

(00:11:00) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Пленарная дискуссия «Культурная и социальная политика для процветания наций». На сцену приглашаются: модератор Нигматулин Роберт Искандерович, академик Российской Академии Наук, научный руководитель Института океанологии им. Ширшова. Участники: Бояков Эдуард Владиславович, режиссер, продюсер, художественный руководитель «Нового театра». Дмитриева Оксана Генриховна, доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной Думы. Проханов Александр Андреевич. Писатель. Председатель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра». Шукшина Мария Васильевна. Общественный деятель, актриса, заслуженная артистка Российской Федерации.

Роберт Нигматулин: Дорогие товарищи, дамы и господа! Мне выпала большая честь. Я человек технократический и не ожидал, что мне поручат вести такую секцию. Я хотел сначала солидаризироваться с Константином Анатольевичем, который подчеркнул важность этой проблемы. Обычно мы обсуждаем экономические проблемы. И нужно сделать то, то, то. Это все верно. Но в большой степени реализуемость всех наших предложений опирается на культуру. И как вы видите, здесь среди нас, есть среди моих коллег, здесь сидящих, выдающиеся люди, которых знает вся страна.

Прежде чем предоставить слово, я хотел, чтобы каждый из выступающих, помимо того, что он собирался сказать, ответил или высказал свою точку зрения на следующие моменты. Я воспитан в советской среде. Был членом КПСС. И совершенно в этом не каюсь. И много во мне воспитано в те годы. Я привык считать, что все народы хорошие. Все народы равны.

(00:15:01)

И тем не менее. Вот начну с первого. С немцев. Сейчас в связи с 80-летием нашей Победы показывают те зверства, которые немцы творили на нашей земле. Я не знаю примера еще где-либо таких зверств, массовых зверств, которые сделал немецкий народ. Который дал миру Бетховена. Который дал миру многих выдающихся Гейне, Гете. Ну, много ученых, я могу назвать вам, которые основателем были физики – и современной, и тогдашней физики. И тем не менее, вот этот народ пошел и совершил зверства. Потом, когда мы их разбили, их дети осудили нацизм. И вроде мы успокоились. Ну, осудили. А теперь внуки, внуки, я подчеркиваю, говорят о том, что на нас надо бросить атомную бомбу. И это так. Это говорит будущий канцлер, который был. Кстати, предыдущий канцлер, внук эсэсовского генерала. Молодая женщина, симпатичная женщина, Бербок, по-моему, тоже об этом говорит. Это что? Вот как это вот понять? Непрерывный грех.

А в то же время мы, вроде как, не европейские, так сказать, вроде бы как не очень первосортные, когда входили в европейские столицы, мы таких зверств совершенно... близко к этому не было. А мне отец рассказывал, что, когда они вошли в Берлин, он видел сцену, русский солдат вытащил, вывез бочку с супом и выстроилась длинная очередь немцев с тарелками и, значит, им раздавали этот суп. Наши русские части входили в Париж. Но не было вот такого. Вот почему? Что, печать такая каинова? Это первая часть моего вопроса. Все-таки ответить нужно.

И вторая часть. Вот мы все-таки Советский Союз, мы все-таки в нашей Российской империи, это уже Российская, Советская, Российская империя была, у нас были под нами Среднеазиатские республики, республики, в которые мы вносили европейскую культуру. Науку, театр, музыку. Именно европейскую. Своя, она была. Мы это вносили. И мы считали своим долгом обязательно поднимать этот народ, те сферы жизни, которые у них были нетрадиционными, мы считали своим долгом способствовать этому развитию.

А сейчас огромная пропаганда против мигрантов. Я ни в коем случае не призываю к нелегальной миграции. Кстати, нелегальная миграция, это ответственные наши начальники. Там люди бегут от тяжелой безысходной жизни. Они бегут. Но легализация... кстати, без мигрантов, по мнению многих людей, вообще мы сейчас не сможем содержать свои дворы. Неквалифицированную деятельность, работу. Какую бы зарплату мы не давали дворникам, уже у нас русские люди, российские люди не пойдут в дворники.

Вот почему мы эту сферу своей деятельности забыли? Все-таки как-то мы их к себе взяли и вроде несли ответственность. Сами развалили эту империю. И сейчас с радостью обсуждаем, какие они все плохие. Конечно, среди них масса плохих людей. Это тоже верно.

И, наконец, третья часть вопроса. Мы всегда говорим о разнообразии. Я должен сказать, что я, значит, моя фамилия Нигматулин, ясно, я сын татарского народа, но одновременно я и русский. Помните такое было стихотворение? «Не русский я, но россиянин». А я сейчас говорю... Вот я, кстати, на Соборе русских в Башкортостане, Мустай Карим. Это строчки башкирского поэта Мустай Карима. В его присутствии сказал... Вот было время, Мустай Карим сказал: «Не русский я». А я говорю, вот я сейчас уже в такой... Я и русский.

И тем не менее. Вот полное равнодушие русского народа, в частности тех, которые живут в Татарстане, в Башкортостане, а я 13 лет проработал Президентом Академии Наук в Башкортостане. Полное равнодушие к сохранению языка. И полное отрицание. Вот ведь все-таки нужно язык преподавать в школе. Башкирского? Татарского? Татарского никто не хочет.

(00:20:07)

Более того, конечно, тут и сами башкиры, и русские тоже уже отходят от своего языка, потому что кончают школу, боятся, что как следует он будет тратить время на этот язык. Но ведь вообще-то в свое время наши предки изучали по несколько языков. И потом ведь, вот эти языки малых народов – их не сохранить без русских. Русский народ отвечает за все. Он потому что 80%... А если и я, таких как я присоединять, так вообще под 95%. Почему такое равнодушие? Такая лень, нежелание помочь, вот там же в Татарстане и в Башкортостане половина примерно православных, половина мусульман. Так, условно мусульман, я говорю. И вот эта вторая половина категорически возражает, чтобы в школах преподавали национальные языки. Все. Ваше мнение? Мне очень интересно, что вы, если сможете, конечно, я не насилую, но если сможете, пожалуйста, выскажите свою точку зрения. Спасибо.

Теперь давайте я вам предоставлю слово. Но первое, как здесь написано, я не буду волюнтаризм делать. Первое, Эдуард Владиславович Бояков, режиссер, продюсер,

художественный руководитель «Нового театра». Ну, наверное, эту фамилию вы многократно слышали, и спектакли, наверное, видели, я в том числе видел. Вот, пожалуйста, Эдуард Владиславович.

Эдуард Бояков: Спасибо. Говорить о вопросах, которые артикулированы, которые произнес Роберт Искандерович, об этом очень сложно, потому что в отличие от экономики здесь не работают понятные системы замеров. Здесь нет понятных показателей. Я думаю, что мы все, большинство из нас слушали предыдущую сессию, и давайте вспомним, как она выглядела, как убедителен доклад академика Глазьева, который может предъявить цифры.

Этих цифр у нас, у художников, их нет. Если они есть, то они могут отражать отдельные грани культурного процесса, который сам по себе очень сложен, очень многообразен, очень разнообразен. Должны ли мы обращать внимание на публику? Должны ли мы обращать внимание на количество людей, которые посмотрели этот фильм, и на количество людей, которые не посмотрели этот фильм, который, допустим, увенчан какой-то серьезной наградой? Конечно, должны. Ведь кино для народа. Должны ли мы обращать внимание на тиражи книг? Конечно, должны. В противном случае мы превратимся в какую-то... Мы, художники, творческие люди и, соответственно, эксперты этого поля превратятся в закрытую зону, где книга, которая выходит 500 экземпляров тиражей, но она признается какими-то экспертами великой, и мы все должны на это обращать внимание, и давайте этого человека, так сказать, чествовать, как крупнейшего писателя, поэта или художника.

Это очень опасно. Любая крайность опасна, потому что как только мы начнем обращать внимание только на тиражи, низкосортная литература, низкосортное кино, низкосортное искусство начнет диктовать нам свои законы. И, в общем-то, это происходит, потому что потребительство, о котором говорили, и психология, философия потребительства, о которой говорили в предыдущей сессии, является одним из принципов оценки культурной политики.

И отвечать на эти вопросы о культурном разнообразии, вообще рассматривать эти серьезные вопросы, которые были заданы нашим уважаемым модератором, очень сложно сегодня, потому что не существует критериальной системы. Нет системы координат. В самых первых своих словах, опять я обращаю внимание на предыдущую сессию, Константин Анатольевич Бабкин говорит о том, что вот эта ориентация только на такой дикий рынок не должна быть принципом. Деньги не мерило.

(00:25:00)

Но Константин Анатольевич не выдвигает того, что может противостоять деньгам. А звучит, я услышал слово «успех». Но каковы критерии успеха? И здесь мы приходим к теме, которую я бы заявил как самую главную. Это терминологическое поле. Раз мы все-таки говорим в рамках Форума, может быть, среди художников нельзя исключительно призывать к научной терминологии. Но мне кажется, сегодня мы живем в ситуации, когда термины не проговорены, когда нет системы координат. Такие понятия, как культурная среда, культурный код, культурная политика, они нами мыслятся по-разному. Я думаю, что

у нас в 14:30 будет уже сессия посвящена конкретно этому вопросу, и мы сможем поговорить об этом с профессионалами.

Но сегодня то время небольшое, которое у меня есть, я хочу потратить на то, чтобы просто обратить внимание на отсутствие категориальной базы, на отсутствие терминологического поля. В этой ситуации неизбежен волюнтаризм. Критерии действия, например, Министерства культуры, они определяются чем? Близостью того или иного художника к власти, его статусом, его предыдущими заслугами или абсолютно социальными, демографическими, например, или статистическими критериями.

Мерить, если мы говорим о здравоохранении, например, это очень просто. Существуют параметры. Мы живем в государстве, в котором падает продолжительность жизни или повышается? Понятно, если повышается, значит, что-то хорошее происходит. Значит, мы здоровеем как нация. Если у нас катастрофическая демографическая ситуация, то этому существует доказательство. На мое утверждение, а я действительно считаю, что у нас нет культурной политики, но вы сразу можете встать и сказать: «Это ваше субъективное мнение. Мы уверены, что она есть». Вот мы отремонтировали 50 крыш, мы построили 25 тысяч, я не знаю, детских садики или домов культуры и сняли 300 фильмов на патриотическую тему. Да, фильмы на патриотическую тему, да, действительно в последние годы прошла, закончился период чистки, в нашем смысле слова, если можно сказать. Действительно, мы отказались. Мы все осознали после 2022 года, что западная культура – это культура такого колониального диктата. Мы осознали, что надо отказываться от тех критериев и от тех принципов, но мы не сформулировали новые.

И сейчас я считаю, что мы находимся в этой очень интересной точке. Она, безусловно, кризисная, она очень тяжелая, но это то дно, от которого можно и нужно оттолкнуться. Можно вспомнить наше великое культурное прошлое. Можно трезво рассмотреть ситуацию и увидеть то, что из себя сегодня русская, российская культура представляет. Не надо бояться правды. Я считаю, что за последние 150 лет не было такой точки, настолько тяжелой, настолько кризисной, настолько депрессивной, как нынешняя точка. Никогда не было ситуации, когда Россия не была представлена в мировом культурном контексте великими композиторами, великими писателями, великими режиссерами. Мы всегда имели отношение к мировой культурной доктрине, к мировому культурному мейнстриму. Это было со времен Пушкина, Достоевского до 70-х, до 80-х годов. Развал Советского Союза привел к тому, что мы превратились в колонию.

(00:30:02)

Сегодня в числе известных, признанных в мире художников нет россиян, в числе известных, признанных в мире режиссеров, которые диктуют сценарии, которые диктуют модели поведения, которые создают образы, не статистику героев, а образы, нет русских писателей. Лучшие русские писатели... Да, это действительно следствие некой политики. Да, действительно, конечно, это следствие протекционизма, в том числе и со стороны западных сил.

Но давайте признаем, давайте поймем, что мы должны быть не менее конкурентоспособны на этом поле, потому что на территории военной политики, на территории международной политики, на территории продовольственной политики мы впервые за многие годы начинаем экспорт зерновых и так далее, и так далее. Мы конкурентоспособны. В этой позиции, в этом поле мы не конкурентоспособны. Наши дети, если и слушают русскую музыку, то это музыка, которая содержит русские слова, но она сочинена по лекалам наших оппонентов, наших цивилизационных противников. Я думаю, что нам всем нужна очень серьезная культурная мобилизация. То, к чему Александр Андреевич призывает очень часто, то, о чем говорит мой товарищ Захар Прилепин. Действительно культурная мобилизация, действительно серьезная, внятная, трезвая культурная политика, которой должны предшествовать вот очень серьезные, такие терминологические, может быть, здесь академическая наука нам и должна помочь, может быть, академики нам должны помочь, потому что художники не все могут. Художники могут сами рождать озарение, но критерии и создать систему координат и систему института репутаций, я думаю, что мы должны создавать вместе с государством и с академической элитой. К этому я и призываю. Спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Эдуард Владиславович. Я хотел только заметить, что в искусстве вообще нет, по-моему, координат. Как можно признать, хорошая музыка или плохая? Но, в общем, это как-то связывает единый национальный дух. Он как-то принимает более-менее единую точку зрения на то или иное произведение. Более того, вы просто меня убили. Я думал, только я так, в общем, считаю, что нет сейчас русских писателей. Ведь, представляете, Чехов во всем мире является одним из самых популярных драматургов. Его пьеса...

Эдуард Бояков: Самый популярный после Шекспира.

Роберт Нигматулин: Да-да-да. Сейчас вроде нет. И, конечно, вы правы. Я с вами согласен, что все-таки Россия потеряла привлекательность. Это мы сами виноваты. Мы всегда свою историю давили, топили и так далее всему миру. В общем, показывали, особенно своих вождей, своих руководителей в неприглядном виде. Сами этих вождей, кстати, часто вот так вот, знаете, их воспитывали таким образом. Все-таки, конечно, видимо, для России такая национальная задача, если говорить в области культуры, быть привлекательными, стать снова привлекательными для мира. Видимо, это очень актуальная сейчас для нас задача. Спасибо.

Теперь Оксана Генриховна. Оксана Генриховна для меня надежда в Государственной Думе. Все-таки не так много людей в Государственной Думе, на которых, в общем, я надеюсь. И верю. Пожалуйста, Оксана Генриховна.

Оксана Дмитриева: Ну, я, поскольку считаю, что у нас и так многими вопросами и занимаются, и выступают не профессионалы, их больше, чем профессионалов, поэтому я буду говорить о тех вопросах, в которых я понимаю. Поэтому я буду говорить о социальной политике и, в частности, о пенсионной политике.

Бесконечно реформировалась пенсионная система. Каждый раз следующая реформа объявлялась и декларировалась целью улучшения пенсионного обеспечения, повышения уровня пенсий. И каждый раз, наоборот, после начала и старта очередной пенсионной реформы положение пенсионеров, а это треть наших граждан, ухудшалось.

(00:35:13)

Поэтому моя презентация называется «Провалы пенсионной реформы». Ну, посмотрим только самые, мелкие какие-то переходы я не фиксировала. Вот последние 20 с лишним лет. Первая реформа, самый масштабный обман в социальной сфере, это переход к частично накопительной пенсионной системе, который был осуществлен в 2002 году, а первые такие плоды ее мы увидим в 2026 году, когда первая массовая когорта людей, у которых есть обязательный накопительный элемент, это женщины 1967 года рождения, начнут выходить на пенсию.

Дальше это 2015 год, реформа перехода к так называемым ИПК, в народе получившее название «баллы». Наконец, в 2016 году – это заморозка индексации пенсии работающим пенсионерам. И апогей всего – 2019-й, повышение пенсионного возраста.

Теперь посмотрим, как это все сказывалось на относительном уровне пенсионного обеспечения. Все знают, есть такой показатель, в данном случае, в отличие от культуры, у нас все хорошо, у нас есть показатели. Это отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате. И на графике представлены периоды. Синим помечены периоды относительного роста или стабильности коэффициента замещения, а красным – это периоды снижения. И исторический минимум. Исторический минимум в отношении коэффициента замещения. Самый низкий уровень пенсионного обеспечения был в 2007 году. Кстати, пик экономического роста. Один из самых благоприятных лет в смысле экономики. И цен на нефть. 22,8%.

Ну, что вы думаете? Мы сейчас идем снова к этому же историческому минимуму. Заканчивается график 2024 годом. У нас отношение средней пенсии к средней заработной плате 23,8%. 2025-2026 год, когда будет еще хуже, мы догоним и двигаемся к историческому минимуму. Теперь смотрим, когда у нас это все начинается. Когда начинается падение. 2002 год. Вот посмотрите. В графике неправильная трапеция. Начинается снижение коэффициента замещения. Реформа перехода к накопительной пенсионной системе и изъятие средств из пенсионной системы на выплату текущих пенсий для того, чтобы якобы накопить будущим пенсионерам.

Следующее снижение, мы видим, начинается с 2015 года. Это переход к баллам. Это изменение порядка начисления пенсии работающим пенсионерам. Пока еще не заморозка, а просто ограничение, при перерасчете в три балла это уже дает снижение. Ну, затем заморозка индексации пенсии и вообще недоиндексация всех. Заморозка работающим пенсионерам, недоиндексация всем остальным.

Дальше смотрим. Факторы, которые вызывают снижение размера пенсии, это не только отставание в индексации, но это еще многочисленные реформы, которые так или иначе ограничивают пенсионное обеспечение, и уменьшение доли тех, кто по законодательству

имел право на две пенсии. Это участники войны, жители блокадного Ленинграда. Просто их количество, к сожалению, уменьшается.

Теперь посмотрим, как мы дошли до жизни такой. Анализируем последний период. С 2015 года по 2024-й. Рост средней заработной платы в 2,7 раза, то есть практически в 3 раза. Индексация пенсии всего в 2 раза. Но не только недоиндексация по отношению к зарплате, посмотрите, как повлияла заморозка пенсии, индексация пенсии работающим пенсионерам. Разница в пенсиях между работающими и неработающими достигает практически около 5000 рублей.

(00:40:04)

И в среднем это понижающее влияние тоже оказывает на средний размер пенсии.

А теперь самое главное. Будет еще хуже. Потому что, как я сказала, в 2026 году мы пожнем все плоды накопительной пенсионной системы, с которой я боролась, начиная с 2001 года, и здесь можно посмотреть, у моего помощника есть книжка, где различные доказательства, как статистические, так и математические о том, что она заведомо хуже, эта накопительная система, чем чисто страховая.

Мы видим на примере нескольких граждан. Если человек платил взносы на накопительные пенсии, обязательные накопительные, при этом гражданам, когда рекламировали эту систему, забыли сказать, что накопительная пенсия – это не плюс к страховой, а это вместо страховой. В итоге граждане отчисляли обязательные взносы на накопительную пенсию и потеряли в баллах. Ну и вот тут сосчитано, кто сколько вот этих баллов ИПК потерял. Для некоторых это будет критично. Они просто не будут иметь 30 баллов, когда им надо будет выходить на пенсию. Для других это просто уменьшение размера пенсии, которая будет с каждым годом накапливаться, накапливаться и накапливаться.

Здесь разное исчисление, кто сколько потерял и кому сколько нужно будет отработать лично эту накопительную пенсионную систему. Но ведь в экономике, в деньгах, так же, как и в физике, есть закон сохранения энергии. То есть вообще деньги никуда не исчезают. Если их от кого-то отняли, то кому-то их дали.

Давайте мы посмотрим, что у нас в итоге в целом, поскольку я плохо вижу, найду здесь у себя. Взносы, уплаченные на накопительную часть пенсии, с 2002 по 2014 год. По 2013-й включительно. Около 2,5 трлн рублей. При этом по моему запросу Минфин ответил, что на данный момент времени сформировано пенсионных накоплений, то есть с учетом доходности, 5,6 трлн рублей. Но, если все пересчитать по тем заявленным коэффициентам доходности, которые тоже мне были представлены по депутатскому запросу, то должно быть 7,5 трлн рублей. А если пересчитать по тем коэффициентам, по которым рассчитывается страховой пенсионный капитал, по коэффициентам индексации страхового капитала, то есть если вообще ничего не делать, то эквивалент должен быть 8 трлн.

Таким образом, получается, что выгода финансовых посредников, это ВЭБ и НПФ, 2,3 трлн рублей. То есть это абсурдность. Нет, это не обслуживание. Это просто их выгода. То есть они эффект при индексации расчетного пенсионного капитала или индексации пенсии, она тоже запаздывает от роста ВВП, но она все-таки как-то к нему приближается. А это

получается, что накопительные пенсии, они прирастают существенно меньше, чем рост ВВП, чем позволяет экономика. Естественно, если вы не дадите это на пенсии, то этими же деньгами вы пользуетесь, они у вас лежат.

То есть получается, ситуация следующая. Мы все время, начиная с 2002 года, прижимали так или иначе пенсионеров. То мы замораживали индексацию работающим пенсионерам, то мы недоиндексировали пенсии, говоря, что у нас сложная ситуация и все такое прочее. Но при этом 2,5 трлн рублей не шли на текущие пенсии с 2002 по 2013 год.

(00:45:02)

И дальше, то есть они ухудшили положение. Тогда пенсионеров мы видели с вами, уменьшилось их пенсионное обеспечение. И они заведомо ухудшают положение всех пенсионеров, которые будут выходить на пенсию после 1967 года. Но деньги по-прежнему остаются там. И в ВЭБе, и в НПФ. И бесконечно разные идеи выдвигаются. Долгосрочные сбережения граждан, дополнительное софинансирование компаний, чтобы никто не вспомнил об этих деньгах, и никто их не потребовал назад.

Поэтому, если говорить о традиционных ценностях, то вообще-то традиционная ценность российская, русская, это вообще справедливость и отсутствие обмана. Потому что, хотя когда я делала расчеты, моя помощница сказала: «Оксана Генриховна, а зачем вы считаете, спросите любого человека на улице, обманут пенсионеров или нет? Он вам без всяких расчетов скажет, что обманут». Этот стереотип, он сформирован на основе реальности, но так нельзя, потому что это имеет огромные отрицательные следствия.

Например, когда повышали пенсионный возраст, я говорила, это скажется на демографии. Потому что молодые женщины-пенсионерки в 55 лет могли уйти на пенсию и сидеть с детьми, с внуками. Это наша российская традиция. У нас бабушки сидят с детьми и дают возможность молодым работать, а теперь они должны отрабатывать, в лучшем случае, до 60 лет, а когда выяснится, что у них еще баллов нет из накопительной пенсии, то вообще до 65. Вот отдаленные следствия. Все взаимосвязано. И как в человеческом организме нажали на что-то, что-то ухудшили, где-то перегнули палку, это обязательно где-то вылезет. Спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Оксана Генриховна. Вы затронули одну часть. Обманут. Понятно. Но в нашей экономике ведь можно на пенсию себе откладывать? Ну, каждый себе берет и в кубышку кладет. Но это ведь абсолютно неэффективно, потому что страшная инфляция происходит. В этой связи у меня вообще возникает вопрос. А нужен ли нам пенсионный фонд? Вообще нужно ли это? Может быть люди, которые работают, должны содержать пенсионеров? А какой смысл копить, если все равно, даже без воровства, он диссипирует?

Оксана Дмитриева: То, что вы говорите, это как раз пенсионная система, основанная на договоре поколений. Это и есть наше социальное страхование. А вот накопительное – это как раз исключение было. Вот кусочек изъяли и сказали: «Вот, накапливайте».

Роберт Нигматулин: Вот, накапливайте.

Оксана Дмитриева: Да. И оно естественно привело, вы совершенно правы, есть математические доказательства, что маленькие деньги не могут прирастать больше, чем большие деньги, чем весь ВВП, если это в общенациональном масштабе. Вот в этой книжке много всяких доказательств, как бы вы их ни размещали. То есть это просто получается отток, то есть из обязательных взносов, не то что гражданин выбрал, я хочу копить в НПФ или я хочу копить в Сбербанке, откладывать на депозит. Его заставили, он даже не понимал, что это он делает. Его заставили часть не на основе договора поколений, а вот так вот, накопительные. И в итоге обесценили эти деньги, эту часть. И у них она будет меньше, у всех граждан 1967 года рождения и младше.

Роберт Нигматулин: Да, и, к сожалению, это тоже часть нашей культуры. Тут ничего не поделаешь. Дальше, Александр Андреевич, Александр Андреевич Проханов, председатель Изборского клуба. Я думаю, в общем, все люди, которые здесь сидят, всегда с интересом слушают выступления Александра Андреевича и его произведения. Александр Андреевич, пожалуйста.

Александр Проханов: Я просто расскажу вам, как создается современное, актуальное русское искусство, искусство русского авангарда XXI века. Расскажу это вам на своем примере. Мне довелось побывать на 16 войнах, начиная с Даманского и кончая войной 2014 года на Донбассе. На нынешнюю войну, наверное, я по дряхлости своей, по ветхости, не попал, но я живу вот этими ощущениями ежеминутно и переживаю их так, как будто я сам на этой войне.

Вот случилась удивительная вещь. Я прозаик, я романист, я автор многих книг, многих романов, в том числе и военных романов. И вдруг, когда утром однажды я проснулся и включил телевизор, радио, я услышал президента, который объявил о начале специальной военной операции.

(00:50:34)

Это сухое, очень такое сдержанное, может, даже какое-то стерильное объявление о начале войны, кровавой войны. Оно меня поразило. Я ощутил какой-то удар, какой-то неведомый прежде толчок в душу, в сердце, в голову. Этот удар длился на протяжении нескольких дней, пока разворачивалась наша кампания на Донбассе.

И вдруг случилось невероятное. Из меня хлынули стихи. Я, будучи прозаиком, вдруг стал поэтом. Причем это были стихи особые. Это были не такие стихи, которые **запутывают** (00:51:12) войну, плакатные. Это наша земля, мы не отдадим вперед-вперед, да здравствует победа, мы русские, с нами Бог. Нет. Это были стихи, это были стихи-репортажи, которые мне приносил какой-то неведомый вестник с полей сражения, может быть, ангел. И он мне рассказывал о том, как штурмуются высоты, как самоходные установки бьют по жилым кварталам, как гибнут комбаты, как отпевают мертвых, как люди несутся в атаку, даже не доходят до места этой атаки и умирают от дронов.

Я слышал надгробные рыдания, я слышал проклятия, я слышал молитвы. Мне явились видения солдат, которые оставались в развалинах с одной последней гранатой и взрывали себя перед этим. Это была какая-то фантазмагория. Потом я узнал, что во время

Куликовской сечи Сергей Радонежский оставался у себя в келье, в Москве. Но ему какой-то вестник, какой-то ангел приносил картины этой битвы. И он видел, как сражался князь Дмитрий, как засадный полк Боброк приходил на помощь русской рати. Он видел все эти картины каким-то странным телевидением (00:52:23), каким-то странным откровением. Что-то похожее было у меня. И создавалась эта огромная, не остывающая денно и ночью, лавина, потому что я вскакивал ночью, я старался эти стихи запомнить. Многие из них забывались, потому что их было слишком много.

И потом вдруг все это остановилось. Как бы ангел отлетел. То ли он потерял ко мне интерес, то ли он считал, что он сделал свой ангельский труд, и он улетел. И эти мои стихи случайно попали к моему другу, тоже члену Изборского клуба, удивительному человеку, композитору Александру Ивановичу Агееву. И они, эти стихи, показались ему очень важными и замечательными. И он написал на них музыку. Очень яростную, сложную музыку русских сфер. Музыку, которую он искал, он ждал этой музыки в современных российских событиях и находил. Находя их, эти события слишком приземленными, слишком невозвышенными, слишком неотвечающими этому русскому мессианству.

И он написал эту оперу. И возникла, эта рок-опера, которую мы называли «Хождение в огонь». Но этого мало. Вот она, опера, вот она, создана опера. А как ее ставить? Где сцена? А где деньги для того, чтобы эту оперу превратить в спектакль? И вот мы пошли по миру сумой. К одним обращались, не заинтересовало, к другим. У многих свои собственные задачи, свой бизнес, свои вложения, свои кредиты. Государство, конечно, Министерство культуры, оно равнодушно было к этому, к этим новациям, они непроверенные новации.

И нам помогли крупные русские предприниматели, уральские, которые поверили в необходимость такой новой русской авангардной работы, авангардной эстетики, связанной с сегодняшним актуальным политическим военным процессом. Мы получили хорошие деньги. На эти деньги мы создали труппу, мы наняли танцоров, певцов, создали костюмы. И возникла полноценная труппа, которая пела эту оперу и танцевала ее. Да, но где, где ее, где эту оперу показать, кому показать?

Я обратился к моим друзьям на Уралвагонзаводе, к руководству Уралвагонзавода и сказал: «Давайте мы покажем нашу рок-оперу, связанную с сегодняшней войной, с неоконченной, грозной, страшной войной. Давайте покажем в вашем цеху, в котором собирают танки. Вы собираете танки, отправляете их на войну. Давайте мы покажем эту оперу рабочим, которые создают эти танки». И руководство, директор, главный конструктор вняли мне, им показалось это страшно увлекательным. В этом секретном цеху, где на конвейере стоят танки, где по небу, по этому железному небу, наполненному дымами стальными, движутся танковые башни с пушками, где танковый короб, который предназначен для того, чтобы он выдержал удары бронейных снарядов.

(00:55:15)

Туда загружается двигатель, на него навешиваются катки, ставятся гусеницы, в него монтируются сложнейшие приборы, оптические, системы космической связи. И среди этого конвейера игралась эта опера. Танцоры и певцы танцевали и пели прямо на танках,

прямо на башенных танках. А в музыку этой оперы вливались лязги конвейеров, вспышки автогенов, громы вот этих поднебесных кранов, которые пронеслись над поющими, и несли эти огромные детали, огромное орудие.

И по мере того, как исполнялась эта опера, она вселялась в танки. И танки стали носителями этой оперы в той же степени, в какой они стали носителями прицелов ночного видения, в какой они стали носителями сложнейших защитных систем. Она вошла в броню, сделав ее, может быть, более прочной. И к моменту, когда мы перестали, актеры перестали петь и танцевать, и завершили эту свою полуторачасовую оперу, танки стали сходить с конвейера. И, сходя с конвейера, они погружались на эшелоны и прямо из нашего театра, из нашего цеха, на эшелонах отправлялись в бой.

И это были уже другие танки. Мы считали, что это танки, в отличие от серийных танков, они были одухотворенные танки. Это были танки, наполненные новым духом. Духом современной поэтики, современной музыки. И они шли прямо в сражения. Мы учли номера этих танков, заводские номера этих танков. И следили за их судьбой. И некоторые из этих танков в первые дни сражения превратились в руины, по ним ударили джавелины, они погибли от джавелинов, от дронов. Другие танки по сей день сражаются, на них обучаются экипажи, они идут в бой, они ведут новую тактику танковой борьбы.

А оперу, которую мы там сыграли тогда, исполнили, она превратилась в оперу поля боя. Ее антуражами, ее декорациями не были картонные занавески, не были нарисованы руины, ее декорацией был цех. Ее слушатели были рабочие, которые строили это ультрасовременное оружие. Это была потрясающая декорация, это был потрясающий синтез, синтез современного искусства и труда того могучего, изнурительного, кромешного, священного русского труда на священном русском заводе, который когда-то создал священный танк Т-34, а сейчас строят танки для русской победы. И вот этот синтез мне показался великолепным, восхитительным.

Другие оборонные заводы узнали об этой опере. Они стали нарасхват просить: «К нам приезжайте, к нам приезжайте!». И мы с тех пор показали эту оперу на пулеметном заводе имени Дегтярева в Коврове, мы показали эту оперу на танковом заводе в Омске, мы показали эту оперу на «Алмаз-Антей» в Нижнем Новгороде, в этом громадном заводе, где стояли прямо в цеху эти трубы, иерихонские трубы, которые сбивают ракеты, баллистические ракеты. И везде был триумф, и везде нашими зрителями были рабочие, и люди в конце концов вставали, плакали, рыдали, целовались, потому что это не было... Это была опера очень грозная, это была правда об этой войне, это была кровавая, мучительная правда о победе, которая дается нам слезами, дается нам кровью, похоронками и удивительным трудом.

А потом мы выиграли государственный грант, который позволил нам объехать 10 городов. И совсем недавно состоялась премьера этой оперы на крупнейшей сцене Московского театра, театра Российской армии. И тот же успех, и те же овации. И это меня так вдохновило, и моего друга. Это показало, что русский авангард, русское восприятие действительности с новым подходом музыкальным, стихотворным, с новым представлением о зрителе, о задаче, это актуально. Это начало нового русского искусства. И поэтому, повторяю,

сегодняшнее русское искусство – и сценическое, и музыкальное, и литературное, оно находится на пороге взлета, взрыва. Мой друг, может, вам это имя о чем-то говорит, хирург, байкер-хирург, «Ночные волки», он создает потрясающие мистерии. Уличные мистерии, не в театре. Эти мистерии вмещают в себя сотни тысяч зрителей. Они приезжают из разных городов. Эти какие-то грандиозные махины, которые он двигает, и его сумасшедшие эти байкеры, которые носятся под небесами. Он этими мистериями решает высокие смыслы, которыми живет Изборский клуб. Его мистерии посвящены русской победе, русскому реактору, пятой русской империи, русской мечте.

(01:00:06)

И это тоже удивительное явление. Поэтому, повторяю, мне кажется, что хорошо говорить о пенсии, спасибо, очень интересно, я слышал, очень важно говорить о политике, очень важно говорить о Трампе, но говорить политикам необходимо образами. Если это речь идет спокойная, вялая, может быть, традиционная, зритель не слушает этого политика, он не внимает ему. Политик должен говорить огненно, страстно, словами, которые взрывают изнутри сонное сознание нашего человека. Потому что русский человек изверился, его обманывали непрерывно, он устал от трескучих слов, он устал от этих непрерывно повторяющихся мантр политических.

Поэтому я смотрю на сегодняшнее русское искусство с обожанием и с верой, что мы вышли на этот период, и мир услышит новое русское слово, новый русский голос. Спасибо за внимание.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Александр Андреевич. Я хотел добавить с другой стороны. Мой заместитель в Институте океанологии, как научного руководителя, попал академик, попал в больницу, в военный госпиталь в Москве, и он мне с ужасом рассказывал, как там на колясках возили наших 20-летних ребят без рук, без ног. Это будут тысячи-тысячи людей. И если мы не построим так свою страну, чтобы она имела достаточные средства, чтобы их обеспечить, чтобы минимизировать тот ущерб, который война нанесла, то позор будет. Это вся победа, которая будет, она будет обесславлена. Я в связи с этим, в детстве, вспоминаю, после войны инвалиды без ног, вообще ног нету, катались на таких тележках, на подшипниках. Сейчас это недопустимо, а для того, чтобы это не допустить, конечно, мы должны справедливую страну держать, но, кроме того, мы должны развивать свою экономику. Производительность труда, она у нас очень на низком уровне. Мы самая бедная страна в Европе с самой высокой смертностью. Да, русский дух надо не упустить, конечно, его нужно поднимать.

Но не забывать и о деле. О деле мы, к сожалению, вот и первая наша Пленарная сессия показала, как все у нас неблагополучно. А теперь я хочу, конечно, с особым волнением предоставить слово Марии Васильевне. Я в связи с этим, Эдуард Владиславович, я вспоминаю относительно молодые годы, и все-таки, я был там в Московском университете, мы ученые, и появился Шукшин, совсем не из нашей среды, будем говорить – из народной среды. И почему-то он всеми нами был единодушно принят. Ведь это тоже, вот был Даниил Гранин, например, это вроде как наша среда была, но все-таки я не думаю, что он так был

единодушно принят, как был принят Василий Макарович Шукшин. Это тоже вот такая загадка.

Эдуард Бояков: Ломоносов или Есенин тоже появились из этой среды и тоже были приняты безусловно.

Роберт Нигматулин: Да-да-да, поэтому я, мы гордимся, вот мы, наука, мы, академики, и так далее, а вот тем не менее, все мои надежды... должен более того вам сказать, что я уже, как Лев Толстой, он в свое время сказал: «На науку надежда слабая, она в основном самой собой занимается». Ну самой собой – в смысле организацией своей жизни. А в наше время что-то надо такое, другое. И вот я думаю, что какие-то позитивные изменения в нашей стране будут вот оттуда, из этой сферы. Из нижней, что ли, сферы, хотя это в общем не очень хорошее прилагательное. Мария Васильевна, пожалуйста.

Мария Шукшина: Из нижней сферы уже не получится в связи с отсутствием социальных лифтов в той системе, в которой мы живем. Шукшина бы не было, если бы не было социализма. И Шолохова тоже. Роберт Искандерович, вы задали нам всем вопрос перед началом сессии. Я сейчас попытаюсь честно... Знаете, что, я думаю так, почему немцы, вот вы говорите, нас все время ненавидят, бесконечно ненавидят, причем веками уже ненавидят.

(01:05:22)

И после того, как мы одержали победу над ними, они еще более, так сказать, понятно, почему нас ненавидят, но при этом уже и действительно ненавидят. Знаете, у Владимира Соловьева, который XIX век, который философ, не путайте, у Владимира Соловьева есть прекрасная такая, так сказать, хорошая мысль о том, что даже братья славяне, он говорил про поляков, они готовы... и они тогда были в составе Российской империи, XIX век. Они готовы, они мечется гораздо быстрее и больше, чем поддержать, допустим, Российскую империю, в составе которой они были. Дух сильнее крови, вот эта мысль.

По духу, и, собственно говоря, если вспомнить времена Александра Невского, когда Запад пошел на нас крестовым походом, и с Запада им была нужна наша душа, с Востока тоже был одновременно поход монгольского иго, но им нужен был наш кошелек, собственно говоря, условно говоря. А Западу нужна была душа, то есть они пытались нас активно окатоличить, и до сих пор эти намерения никуда не ушли, и Бжезинский в начале 90-х сказал: «Ну вот, мы разрушили коммунизм, теперь враг номер один – это православие».

Поэтому, а немцы, католики, ну и все западные вообще народы, они другой веры, и другого, не то что веры, они духа другого, и даже наши братья славяне, про которых я сейчас начала говорить, про поляков, тоже славянские, наши братья украинцы – это тоже все славяне, но дух сильнее крови, то есть это вражда, которая не заканчивается ни на миг, и она всегда будет.

Были мысли у Достоевского по поводу того, что братья все славяне объединятся, у того же Владимира Соловьева, который XIX век, тоже те же мысли были, что все-таки мы объединимся, нет, мы не объединимся, дух сильнее крови. То есть только православная цивилизация... Православная цивилизация, сколько уже, тысячи лет в одном направлении

двигается, это вселенское равенство, и Советский Союз туда же двигался, все на христианских ценностях, вся идеология была основана, то есть вселенское равенство, а западная цивилизация – это мировое господство, это разные вещи. Так вот, дух сильнее крови – это как раз про то, что почему нас так ненавидят и западные, и даже некоторые наши братья славяне. И, кстати, Украина, западная Украина, ближе которая к католикам, и посмотрите на восточную часть, это ближе, это православная, и там можно историю поднимать и говорить, сейчас не хочу время.

По поводу Башкортостана, Татарстана, вы знаете, у меня совершенно другая информация, наоборот, там сейчас такие националистические настроения, я думаю, что это искусственно разжигается, и вы говорите, там язык не преподают, не знаю, ничего не знаю, наоборот, там русский язык гасится. Я была в Татарстане в прошлом году, в Кремле в Казанском, и, конечно, поразила той хлебосольности, душевности татар, и которые никогда не называли себя татарами. Сколько я говорила с ними, всегда были русские, они русские, и даже в Кремле, тут мечеть, тут через пять шагов пройти – православный храм, то есть это такой символ такого сотрудничества и дружбы, и никакой вражды никогда в жизни не было.

Это все искусственно, я даже сейчас на «Нике», «Нику» сейчас отсматривала, это наша национальная российская премия, кинопремия, и там 100 фильмов нужно отсмотреть, как академик «Ники», ежегодно. И вот сейчас, я там посмотрела один фильм, я была поражена, татарского режиссера, ну просто националистическое кино, где во время Великой Отечественной войны только женщины татарские – самые жертвенные и самые могущие, умеющие страдать, и которые страдали.

(01:10:21)

Дальше, в современные дни, там татарский театр, и актер этого театра говорит: «А почему эта фраза на русском? У нас татарский театр». Это называется фильм «Плакса», так, на всякий случай. Вот он был в шорт-лист на «Нику». Я, конечно, вообще... такая русофобия голимая... не знаю, ответила, не ответила. И то же самое с мигрантами, та же самая история: если они учатся в своих республиках по русофобским учебникам в школах, а потом приезжают сюда, то что вы от них хотите?

Непосредственно теперь к нашей сессии. Тут вопросы некоторые все-таки нам были изначально заявлены, в отличие от вопроса Роберта Искандеровича, какие ценностные ориентиры, какой человек будущего? Знаете, ответы и без меня известны. У нас на сегодня воспитание патриотичной и социально ответственной личности на основах традиционных духовно-нравственных, это задача одна из самых, и цель, так сказать, одна из самых наших главных национальных целей сегодня.

Но при этом старая задача, которая была озвучена в свое время тогдашним министром образования и науки Андреем Фурсенко, который сказал, что «в Советском Союзе воспитывали личность человека-творца, мы будем воспитывать квалифицированного потребителя», на мой взгляд, она никуда не ушла. И это очень хорошо видно в теме, близкой мне, в кино. Когда на прошлой неделе Карен Шахназаров предложил Путину

ввести в обязательную школьную программу курс по кинематографии, он говорил прежде всего, конечно, о советском классическом кинематографе. То есть, стоит ли говорить, что это свидетельствует о бездейственности, беспомощности и безнравственности целого министерства культуры на протяжении 30 последних лет? Спасибо. И сама министр культуры, Ольга Любимова, она же, собственно говоря, и подтвердила это в своем недавнем интервью, месяц назад, где на вопрос о ремейках советских фильмов и мультфильмов, которые заполнили все наше культурное пространство, она затруднилась назвать хотя бы один пример хорошего кино. Но при этом Министерство культуры продолжает эти миллиарды народных средств туда выделять.

Вопрос чисто хозяйский: до каких пор Министерство культуры будет заниматься раскультириванием, так сказать, населения за его же счет? Потому и не становится у нас частью культуры ни патриотизм, ни государственное чувство. Потому что откуда же ему взяться-то? Поэтому вместо патриотизма страна столкнулась с комплексом дезертира и нежеланием рожать. Я считаю, что такой подход он безнравственен сам по себе. И это подход, извините, торгашей и временщиков.

Далее в этом же интервью министр, дабы, так сказать, оправдать свой провал, видимо, заявила, что «раз нет зрительского успеха у подобных вещей, то, значит, это экономически будет непривлекательно для продюсеров, поэтому мода на пересъем классики, она вскоре закончится». Опять же, вопрос, а почему мода, если министр ориентируется на моду, не соответствует национальным целям? И вообще, почему в принципе в культурной политике в приоритете мода, интересы продюсеров, коммерческие интересы, а не интересы государства и народа?

И в этой связи весьма показателен, на мой взгляд, конфликт между хорошим интеллектуальным авторским кино и вот этим фастфудом, такой однодневкой, который недавно вылился в некий виртуальный диалог между режиссером Сариком Андреасяном, который клепает свои фильмы как горячие пирожки, и среди них есть ремейк советского фильма «Служебный роман», где роль Новосельцева сыграл Владимир Зеленский, и актером, режиссером, депутатом Николаем Петровичем Бурляевым.

(01:15:25)

Значит, режиссер Андреасян назвал авторское кино деградирующим, и студентам, а он там выступал перед студентами киношколы, сказал, что «если вы хотите быть нищими, конченными, блюющими», – это цитата, «кинематографистами, то значит...», там дальше нецензурно, в общем, продолжайте снимать это ваше, или вообще не продолжайте, а вообще снимайте это авторское кино. Ну, то есть понятно, что авторское кино деградирующее конченных советских кинематографистов годится только для того, чтобы успешные кинематографисты нашего времени использовали его в своих коммерческих целях.

В общем, Николай Петрович назвал это «ляяньем Моськи на слона, до которого этот режиссер никогда не дорастет, занимаясь доходным промыслом рыночного кино, понижая духовный уровень народа», это тоже цитата. Согласна с Николаем Петровичем, потому что

творчество как явление социальное, оно должно приносить пользу обществу, а не вред, и, как сказал Лев Николаевич Толстой: «Искусство и литература – это мощнейшие, сильнейшие формы внушения», так вот, и кино, и телевидение – это сильнейшие формы внушения, и воспитание, но воспитание требует содержания, а содержательную сторону у нас за 30 лет погнали отовсюду: из политики, из литературы, культуры, из образования. У нас сегодня цель образования по Грефу, вы знаете, являются компетенции, технологии, набор инструментов взамен содержания, то есть знаний, но увлечение технологиями в ущерб содержанию – вещь небезобидная, и то же самое в кино. У нас кинематографисты по большей части, к сожалению, ориентированы на подражание, а чем полон сегодня современный мир искусства? Технологиями, то есть формой, отсюда ремейки, дипфейки, компьютерная графика, стихи Пушкина в виде рэпа, как в новом последнем фильме «Пророк», про Александра Сергеевича, мюзиклы вместо глубоких и богатых по содержанию фильмов. Альтернативные концовки, это когда зрители в кинозале сами выбирают, сами решают, что будет делать главный герой в тот или иной момент.

Или когда, например, в последнем фильме, опять же, художественном фильме «Волшебник изумрудного города», зритель на киносеансе сталкивается, видит вместо титра конец фильма, титр, продолжение следует через два года. То есть мораль всей басни такова, что никакой морали нет, потому что мораль и нравственный выбор героя можно узреть только лишь в законченном авторском изложении, которое тем самым воспитывает нравственное чувство у зрителей, и зрители в дальнейшем потом на это нравственное чувство будут опираться при выборе непростых жизненных решений, как на клюку будут опираться, так это работает.

Но эксперименты с **формами** (01:18:48), конечно, не про мораль, они чисто про деньги. Недавно Валентина Матвиенко посетовала на то, что из-под профессионального пера не вышло достаточного количества произведений на тему СВО и патриотизма. Вот, Александр Андреевич, вот пример, когда он говорил о том, что Министерство культуры равнодушно отнеслось к его патриотической опере. Вот живой пример перед вами. Вот я, правда, и спикер Совета Федерации не знает, что на это нужны вообще деньги? Но деньги получают либеральные братья. А либералы никогда не будут снимать про патриотичный народ, никогда. Народ в своих произведениях, они всегда будут показывать спившимся, глупым, слабым, варварским, эгоистичным, лучшие ремейки, чем про СВО. Хотя грант потом вам дали, но неважно, под давлением общественности, почему, собственно говоря, все время говорим, говорим, говорим, говорим, ничего не происходит. Происходит потихонечку, вода камень точит, поэтому надо не молчать, надо говорить.

(01:20:10)

Вот под давлением общественности, вон, пожалуйста, уже и грант получили на патриотическую оперу. И потом, что тоже, вы знаете, даже об этом много писали, и, видимо, спикер Совета Федерации только об этом не знает, что даже ее коллеги по Нижней палате, депутаты с запросом обращались в Генеральную прокуратуру по поводу многих случаев прекращения сотрудничества с теми актерами, которые открыто выражали патриотическую позицию. Вот что это? Верх цинизма, если знает и такое говорит? Или верх

непрофессионализма, если ничего не знает из-за отсутствия связи с народом? Или всегдашняя, так сказать, попытка переложить ответственность за разрушение культуры на самих деятелей культуры? Ну, тогда зачем, позвольте спросить, вы продолжаете их финансировать? Знаете, мне это напоминает, честно говоря, анекдот про ежей, когда ежики плакали, кололись, но продолжали упорно, так сказать, грызть кактус.

И вот эта ссылка на закон 1992 года, по которому государство не имеет права вмешиваться в творческую деятельность творцов, который так любят цитировать некоторые политики и чиновники, я считаю, она несостоятельна. Потому что именно с этого закона, посредством кино, телевидения, эстрады, театра, и началось то самое моральное, духовное и нравственное разложение общества. В системе, где министерства и ведомства рассматриваются исключительно как финансовые потоки, а не как источник развития той или иной отрасли, эффективные менеджеры всегда будут на своих местах. Поэтому и перекидывают их как заблагорассудится. Сегодня он министр финансов или замминистра, а завтра министр здравоохранения. И не важно, что нет специализации. Главное умение – это регулирование финансовых потоков. Есть, конечно, единицы, есть, вернее, примеры, но их единицы.

Поэтому менять надо, менять надо сам подход к тем институтам, которые отвечают за разные отрасли, не только за культуру. Но невозможно отдавать министерства и ведомства, особенно стратегические, отдельным группам на кормление. Невозможно. Это первое. Второе – кадры решают все, как говорил Иосиф Виссарионович. Не могут люди, 30 лет разрушавшие культуру, русскую идентичность, национальное самосознание, не могут возглавлять... и насаждающие западные ценности, не могут стоять во главе институтов, ориентированных на традиционные нравственные духовные идеалы и ценности. Время изменилось, а они нет. И маска патриотизма не спасает, что и видим по плодам. Все, спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Мария Васильевна. В связи с вашими словами я сделаю три комментария. Первый, я добавлю. Я с удивлением как-то прочитал слова Федора Михайловича Достоевского о том, что «не надейтесь на славян». Всегда будут туда уходить. Но вы связываете это с религиозными. Ну, болгары. Болгары же, они православные. Украина, которая, давайте будем, левобережные, ведь тоже православные. Там есть западенцы, это уже традиционно там особые. Это действительно факт такой получается. Действительно, как вы сказали, дух сильнее крови. Хотя это не связано, на мой взгляд, не связано с религией.

Причем у меня есть коллеги, друзья, хорошие друзья и среди поляков, и с болгарями. На Украине есть ученики и коллеги, с которыми я сейчас, вообще-то говоря, боюсь даже общаться, чтобы не навредить. Но должен вам сказать вот те моменты, которые я с некоторыми учеными... Ну просто наши же люди. Ну как они на нас реагируют? В общем, даже желания разговаривать пока у меня нет.

Второй момент. Национализм. Вы знаете, я вам приведу только такой пример. Мне это дед наш рассказывал. Он был директором сельской школы, преподавал математику, а потом стал профессором медицины. Представьте, вот такая карьера при советской власти. В 32

года поступил в Московский университет. Так вот он рассказывал, и отец мне то же самое рассказывал. В их деревне, в Башкортостане, татарской деревне, была школа учительская. То есть они еще готовили учителей для окрестных регионов. И в этой школе русский язык преподавала молодая девушка.

(01:25:19)

20 лет примерно ей была. И потом много лет спустя он ее встретил уже как бабушку. И эта бабушка говорила, что «сколько я прожила, никогда я такого уважительного отношения к себе не имела, как в этой татарской деревне **Кургалы** (01:25:35)». То есть это дух был. Да, кстати, в этой же школе преподавал и этот самый православный священник. Никто, конечно, не стал православным. Это нелепо. Но они его пригласили, значит зачем-то он был нужен. Это одна сторона.

Вторая – национализм. Я подтверждаю ваши слова, я же 13 лет проработал президентом Башкирской... Ну, сначала я туда приехал как председатель Центра Российской Академии Наук. И на первом заседании, где я докладывал свою программу, из зала один профессор, потом я его узнал, философ, кстати. Он мне задал совершенно убийственный вопрос. Это было в 1993 году. «Роберт Искандерович, как вы себе мыслите деятельность Российской Академии Наук на территории Суверенной Республики Башкортостан?». И это было. Понимаете, народ иногда сходит с ума.

Причем я должен вам сказать, меня же выбирали. И вот такие люди, которые голосовали... Вот эти люди, когда меня выбирали тайным голосованием, 11% только против было. То есть они малую часть составляют. Но они, как правило, очень активные, агрессивные. И основная масса людей их побаивается. Это действительно так. Вот я вас уверяю, в Татарстане, да, есть, конечно, националисты. И в Башкортостане есть националисты. Сейчас, конечно, они ослабли. Более того, там вообще... не буду это говорить. Но и то же на Украине. Я думаю, основная часть украинского народа, она просто боится вот этих бандеровско настроенной части украинцев. Потому что они более агрессивны. Они могут убить. Убили же одного писателя, украинского писателя. Это было.

Поэтому это, конечно, есть такая угроза. Она всегда есть. И, в частности, даже второй пример. Вот приходит ко мне профессор один и говорит: «Мы заставим русских говорить на башкирском языке». Все это было. Я тогда ответил. Я говорю: «Своих детей научи, свою жену научи. А потом за русских берись». Все это есть. Но самое главное, ведь почему я этот вопрос поднял? Закрываются школы с преподаванием национальных языков. Вот я отвечаю за Татарстан и Башкортостан. Это, к сожалению, факт.

К чему это приводит? Не нужно думать, что если мы все забудем свои национальные языки, будем только на русском говорить, то все этнические противоречия затухнут. Ничего подобного. Наоборот. Они обостряются. Появятся такие же люди, что русские виноваты в том, что мы не знаем башкирский или татарский. Обязательно появятся. Поверьте мне. Незнание своего родного языка часто таких людей, ущербных, приводит вот к таким крайним экстремистским явлениям.

И третий вопрос. Вы сказали вот про Министерство культуры. Я вам скажу более широко. Министерство высшего образования и Министерство просвещения. Это вообще все негодные министерства. Потому что нельзя образованием, нельзя культурой, нельзя наукой чтобы руководили люди-чиновники. Чиновники должны помогать. Министром культуры должен быть деятель культуры. Авторитетный. Благодаря своей деятельности авторитетной... Конечно, таких мало, которые могут...

Мария Шукшина: Как в Беларуси сейчас. Лукашенко же выбрал заслуженного артиста России. Поставил министра культуры.

Роберт Нигматулин: Очень хорошо.

Мария Шукшина: Но не экономиста же и не юриста.

Роберт Нигматулин: И последнее из этой сферы, я должен сказать. В чем наша беда? В нашей стране экономикой, образованием, наукой, культурой, другими социальными сферами управляют чистые чиновники. Это сплошная беда. Вы знаете, я даже на одном собрании я не выдержал и даже президенту нашей страны поставил двойку. Почему? Ни в коем случае не подумайте, я к нему отношусь с уважением. Я с ним беседовал, встречался, он помогал. Но просто хотелось докричаться. Нельзя так, чтобы мы вынуждены были кричать.

И последнее. С чем связано? Я всегда был европейски настроенным человеком. Американски. Ну, в общем, у меня коллеги, друзья и так далее. И я понял. С чем связано вообще падение мира европейской цивилизации? Мы забыли про свое советское русское образование. Вся Европа, вся Америка не дает образование 95% детей. Такого образования, к которому мы привыкли.

(01:30:21)

А что это значит, русское образование? Это значит, кто бы ты ни был, какие бы у тебя ни были музыкальные какие условия. Ты должен пройти математику, тригонометрию. Все ты должен сдать. Обязательно. Ты должен знать русскую литературу. Писать сочинения. Язык, сочинения нужно писать. Ну и остальные фундаментальные науки. Какие бы ни были у тебя наклонности. Никакого не должно быть специалитета для детей до 15-16 лет. Все должны обучить, то, что называется советским русским образованием.

Вот это и есть, не полная, конечно, гарантия от деградации. Но если это не делать, то точно деградируется. Как Европа деградирует, как Америка. Когда два кандидата в президенты друг друга обвиняют в уголовных преступлениях. Как себя ведут европейцы. Это объяснить невозможно. Вот это совершенно непоследовательную, нелепую, дурацкую политику. И я это связываю с тем, что чиновники, они хотят нас подчинить тем, чтобы ликвидировать нормальное образование нашего народа. Вот надо это восстановить. Спасибо. Еще есть вопросы. Я вот чего посмотрел, конечно. Я его включу. Может быть, кто-то из зала хочет что-то сказать? Или вопрос задать, или что-то добавить? Одна-две минуты.

Максим Калашников: Максим Калашников, писатель-футуролог. И все-таки небольшое замечание. Когда вы говорите об Украине, основная вина лежит на Российской Федерации.

Во-первых, Украине 70 лет говорили, что это другой народ. Братский, но другой. А затем в Украине, после гибели Советского Союза, на Украину не велась работа, говорили, что вы малороссы, вы часть русского народа. Вы другой народ, вы хохлы, вы нам не нужны. Я одессит. Я знаю, как мои сокурсники говорили: «Когда мы встречаемся с гражданами РФ, мы слышим «вы украли у нас газ» и «отдайте нам Крым»». Они говорят: «Мы одесситы, мы столица Новороссии». Российская Федерация не вывозила к себе учиться, как делали румыны после 1990 года с Молдавией. А Румыния была нищая. А Российская Федерация отталкивала русских, то есть малороссов. Слово «великоросс» было забыто с 1917 года. Не было этой проповеди.

И не надо удивляться, нас там до сих пор очень многие ждут. Кто-то прячется от призыва, от насильственного призыва ВСУ. Кто-то со сломанными ребрами остался. Поэтому вы, госпожа Шукшина, очень верно сказали, в самой Российской Федерации не поддерживается русская идентичность. И в этом ключ к потере Украины. Они наши. Пусть даже их сейчас убедили в обратном. Нельзя их упускать. Работать надо на территории. Не работали ни радиостанции, ни фильмы с 1991 года. Никто не проповедовал. Вы малороссы, да, украинцы, но вы и малороссы. Вот этого не было.

Роберт Нигматулин: Спасибо. Я вот нашел текст, вопрос ко всем нам. Вопрос всем экспертам в дискуссии. Почему вы как сообщество, как МЭФ, не формулируете сборку требований к правительству Российской Федерации, к главе государства? Разным министерствам, институтам государства. Ведь власть в РФ принадлежит народу. Ну и так далее. Почему? Если руководство страны не способно решить проблемы государства и народа, то именно народ, его лучшие умы должны формировать требования.

(01:35:03)

Это верно. Вообще у нас вот это ушло. Требования к руководству страны, обращения. Не все хорошо. У нас ведь всегда все хорошо. Вот сколько я живу, всегда все хорошо. Я называю это всехорошизм. Вот мы тут собираемся, но нас ни один чиновник из правительства, ни один заместитель, хотя бы министр, здесь не посетил и не послушал. Даже они не слушают. А уж про министров я говорить не буду. Это уже сложилась такая традиция. Вот это чиновничье наше государство. А мы, конечно, должны требовать, ставить оценки своим министрам, президенту, главе государства. В общем, это должно быть. Общественное мнение должно быть. Оно у нас, конечно, затемнено.

Мужчина: Можно слово буквально? Реплику. Мне кажется, это очень правильная постановка вопроса. Все-таки должны созреть силы некие. Я вот наблюдаю за Московским экономическим форумом несколько лет, участвую в нем и вижу, что действительно формируется повестка, формируется круг вопросов, которые нас волнуют. И сейчас, мне кажется, я об этом, кстати, с Константином Анатольевичем говорил, мы созрели для того, чтобы обращаться с вот таким воззванием, обращаться с таким... Это безусловно. У нас есть экспертный вес для этого. Потому что чего надо избежать? Демагогии, риторики. Вот эти все «захватили» и так далее. Нужно от имени форума очень основательно, экспертно проанализировать, сделать серьезный доклад. Форма общения должна быть – не публицистическое письмо. «Поддержите патриотических поэтов. Поддержите

патриотических художников». Это надо. Но это должно из другой сферы выходить. А из форума может выйти серьезный, аналитический доклад, анализирующий ситуацию в культурной повестке и предлагающий конкретные пути.

У нас есть куча академических заведений. Пусть меня простят уважаемые коллеги-культурологи. У нас есть... Они под эгидой Министерства культуры находятся. Они эту работу не делают. Значит, мы должны сделать. Это нормально.

Роберт Нигматулин: Согласен. Дальше. Некий Иванов. С. Иванов. Мы видим множество культурных проектов, поддержанных крупным бизнесом, которые не про Россию и не про традиционные ценности. Почему бизнес мало поддерживает традиционную культуру. Я тут про культуру... И не только про культуру, и про науку. Я знаю по Америке, очень богатые люди поддерживают университеты и разные научные проекты. Причем часто эти люди жертвуют... Вот в том университете, в котором я сотрудничал, я в Америке в 90-е годы проводил примерно четверть времени. Проект там мы реализовывали и так далее. Он пожертвовал 136 миллионов рублей, но при условии, чтобы фамилию его не называли. То есть там это выработалось. Люди, которые заработали большие деньги, уходят. Детей нет или еще чего-то и так далее. И у нас таких крупных проектов, которые бы поддерживались в области культуры, науки и так далее, у нас их, конечно, практически нет. И это и есть проблема. Видимо, это какой-то исторический этап нужно пройти этим богатым людям. Я не знаю, что еще можно по этому поводу сказать. Да, пожалуйста, Оксана.

Оксана Дмитриева: Я вообще не понимаю, почему... Есть налоги, есть государственный бюджет. И когда начинают... Вот вы говорили – пусть сами содержат, родители содержат пенсионеров или бизнес пусть вкладывает в науку или бизнес вкладывает в культуру. У нас достаточно высокий уровень налогообложения. У нас есть бюджет. У нас есть бесконечные программы, которые создают отток средств из бюджета для, фактически, перекачки в те или иные финансовые институты. Это, в общем, большая проблема. Финансовые институты – имеются в виду банки, различные финансовые, ну, типа НПФ, другие управляющие компании. То есть этого очень много.

К сожалению, вот говорили о требованиях. Но я депутат Государственной Думы уже практически 30 лет с небольшими перерывами. И могу сказать, что все, что мы хотим реально реализовать, требует очень сильной аргументации.

(01:40:10)

И, как это ни хотелось бы, именно числовой и количественной. Это тоже не всегда работает. Потому что как можно было не снять, допустим, председателя Центрального Банка и весь финансово-экономический блок после того, как столько лет вкладывали деньги в Фонд национального благосостояния, что является чистым вывозом капитала. Чистым. Искусственным тормозом экономического роста. Но когда уже нам доказали, вот эти деньги взяли, изъяли, все равно они все дальше продолжают, как попугаи, говорить... Был Кудрин председателем счетной палаты. Он все, уже все у нас украли. Он все равно продолжал: «Где бы мы были, если бы у нас не было этого фонда национального

благополучия». Где бы мы были, если бы Западу нечего было у нас украсть. То, что мы накопили и положили, и отдали, и дали им.

Но тем не менее, ничего просто так, как бы это сказать, за счет взывания, может быть, к лучшим чувствам, аргументация со ссылками на действительные авторитеты, это ничего не проходит. Если нет, совершенно, когда говорили, куда вкладывают деньги? Я просто плохо это знаю, допустим, пока не будет листа из двух колонок, где будет написано: вот столько-то денег из федерального бюджета по Министерству культуры направлено было таким-то, в кинематографии на те или иные фильмы. Столько-то из этих людей, которых профинансировали, доля их, которые оказались сейчас в других странах. Вот только это является аргументом. Только это. И то это не значит, что это победит, но это, хотя бы, повод для разговора.

Мария Шукшина: Повод для разговора, уже бесконечно об этом говоришь. Все это знают, сколько их там уехало. И тот же фильм «Мастер и Маргарита», режиссер, который в Америке находится. И сейчас, кстати, «Нику» получил, много номинаций этого фильма, «Мастер и Маргарита». Люди против СВО там высказывались и все равно получили все эти премии.

По поводу, что может быть большей аргументацией, чем, например, статистика Следственного комитета, свежая статистика Следственного комитета, когда нам говорят о том, что на 40% рост преступности увеличился среди школьников и пенсионеров. Я извиняюсь. Но на 40%, по сравнению с прошлым годом, то есть, когда при объявлении частичной мобилизации миллион дернул за кордон, это что, не аргументация? Когда под белыми флагами спортсмены готовы менять гражданство, это что, не аргументация вообще всего, что происходит в культуре? Потому что это мощнейшая форма внушения: телевидения и кино, и театр, и эстрада. Куда уже больше?

Огромное количество мероприятий, и мы действительно собираемся на конференцию, у нас там замминистра культуры приходит и бодро на полчаса нам отчеты по всем цифрам. Сколько мероприятий, сколько денег выделено на все эти мероприятия. А какое вообще количество мероприятий и цифры по деньгам имеют отношение к социальному эффекту, к результату? Каковы вообще критерии оценки результатов этих мероприятий? Никто не подсчитывает. Никто. Нужны всем отчеты по цифрам. Вот, на что мы перешли. Мы на отчеты по сухим цифрам, которые ничего не дают. Ну, оглянитесь вокруг, раскройте глаза, Государственная Дума, ну сколько же можно издеваться вообще над народом?

Я говорила об этом, кстати, на награждении, вы говорите: «Не слышат», знаете, слышат. Михаил Владимирович когда говорил о том, что «слушайте, ну беда просто, это преступление вообще, не обращать внимания на такой запрос уже общества на духовность и нравственность».

(01:45:02)

И потом мы с ним разговаривали. Он все услышал и через три месяца появился проект указа президента о духовно-нравственных ценностях. Все они слышат, но только, к сожалению, к

ним не добраться туда. А так могли бы мы очень даже хорошо их убедить и все рассказать, все показать.

Роберт Нигматулин: Кстати, Оксана Генриховна, такой вопрос. Вы выступаете против повышения пенсионного возраста, но в стране только растет нехватка специалистов. Как мы их будем заменять?

Оксана Дмитриева: Повышение пенсионного возраста и нехватка работы по достижению пенсионного возраста – это разные вещи. Повышение пенсионного возраста сказалось только на одном. Те люди, которые дальше продолжали бы работать после 55 и 60 лет, они просто не получают эту пенсию и все. То есть просто у них взяли из кармана эту пенсию, причем не повысили тем, кто уже пенсионер. Объяснялось тем, что давайте мы все-таки не всем будем платить пенсию, а меньшему количеству, и не тем, кто достиг 55, а тем, кто достиг 60 и 65, тогда пенсия вырастет. Пенсию перестали платить гражданам, повысив пенсионный возраст, но те, кто уже на пенсии, как из моего доклада видно, она отнюдь не выросла.

Поэтому нехватка специалистов, так количество работающих пенсионеров после того, как заморозили индексацию пенсии и изменили систему перерасчета, она уменьшилась в два раза. С 14 млн до 7 млн человек. Вот и все. Какие-то поблажки сейчас, какие-то изменения пошли именно под давлением того, что дефицит кадров, и нужно так или иначе приглашать, просить снова пенсионеров, чтобы они вернулись на рабочие места. Поэтому, тут, да, совершенно, по-моему...

Роберт Нигматулин: Я вот в связи с этим... один мне близкий человек, он инженер в области энергомашиностроения. И вот он ездит по разным заводам, и говорит следующее: «Вот приезжаешь на завод энергомашиностроительного профиля, единственный человек, который по-настоящему понимает проблемы, крупные проблемы этого завода, это бывший директор. Который уже бывший, на пенсии, и руководство завода, чтобы он не был в нищете, его держат на какой-то вот такой вот должности».

Понимаете, проблема... Поэтому вот я иногда условно говорю, мы дойдем сейчас до такой жизни, когда мы стариков обязаны будем выгнать на работу. Нету других, действительно, квалифицированных людей. Нету. Не будет профессоров, которые будут учить инженерному делу. Вот экономистов, менеджеров... да, уже не хватает. И будет просто катастрофически не хватать. Потому что те, которые были, они уже ушли. Те, которые за ними пришли, они не имеют никакого опыта производства, потому что заводы эти все не работают, все закрыты. Поэтому это будет, конечно, серьезнейшая проблема, нехватка квалифицированных людей в производственном цикле.

Ректор же сегодня говорил, он показывал, он говорил: «Хорошо, хорошо, а на самом деле ребята не изучают физику и математику. Они не хотят». Потому что имейте в виду, подготовить инженера – это гораздо сложнее, дороже, чем подготовить юриста, экономиста, менеджера и так далее, любой гуманитарной профессии. Это очень дорого, потому что он должен побывать на всех заводах, там поработать, после этого он только становится специалистом.

Оксана Дмитриева: Хочу сказать по поводу физиков и математиков и преподавателей. Ну, во-первых, у ректора устаревшие сведения по поводу того, что дети не хотят учить физику и математику. Школы перестраиваются гораздо быстрее, чем мы с вами. Ну, как депутат, я все время бываю в школах. Так вот, уже наибольшей популярностью пользуются инженерные классы. В языковых школах с углубленным преподаванием английского и немецкого создают инженерные классы и не могут уже набрать профиль гуманитарный, потому что все хотят уже сейчас, слава Богу, хотят заниматься и получать инженерное образование.

(01:50:00)

А вот с преподавателями действительно плохо, потому что если посмотрим статистику, то наибольшее количество, самый пожилой возраст как раз у преподавателей физики и математики, еще французского языка. Поскольку он не был востребован, то вот эти. И действительно ситуация сложная, уходят просто в мир иной преподаватели физики и математики старой советской школы снова туда не приходят, потому что их просто нет. Это разрыв поколений, он огромный, он везде есть.

И, кстати говоря, вот вопрос по вашему преподаванию национального языка. Посмотрите, школьная программа, она же не безгранична. У нас сейчас стоит задача снова увеличения часов преподавания естественно-научного цикла. Та же физика, ваша профессия, два часа в неделю. В советское время начиналось два, потом четыре, пять и вообще заканчивалось пять часов в неделю в советское время физики. А теперь два часа. На что уходили часы? Ну, во-первых, на ненужные совершенно предметы, экономика, право. Я экономист, я понимаю, что вообще не нужно в школе экономику преподавать и право. То есть это либо банальности, либо вообще... внедряемые в нашу экономику, в наше чиновничество, в наше госуправление именно ложные экономические ценности. Вот это что называется обществознание и преподавание экономики.

Но тем не менее, если сейчас мы это возвращаем, то все равно часы-то, они ограничены, поэтому здесь школы, они тоже ориентируются на интересы детей. Вот если сейчас у нас пошло, слава Богу, наконец, увлечение естественно-научным циклом, инженерно-техническими специальностями, так пусть учат этому. Пусть это потеснит обществознание, право и вообще какие-то вот эти сиюминутные. Как у нас с чем-то плохо, так начинаем этому учить. Плохо с демографией – начинаем учить демографии. Плохо с ценностями патриотическими – делаем уроки по патриотическим ценностям. Но ведь патриотизму учит русская литература и история. Русская классическая, уроки русского языка и русской литературы, ничто другое, и история, не научат лучше патриотизму

Роберт Нигматулин: Но я один факт могу свой опытный сказать. У меня есть несколько друзей, товарищей примерно моего возраста, они учились в национальных школах. И когда они кончали, один товарищ у меня сначала учился в татарской школе в Башкортостане, потом в чувашской, окончил чувашскую школу, потом он стал профессором и так далее. Он русским языком к годам 30 владел лучше, чем русские, между прочим, русские! Ведь очень много русских людей, я знаю даже по профессуре, плохо владеет русским языком.

Понимаете, когда человек осваивает, есть возможность... Ну, самые лучшие, самые лучшие нормально владеют. Понимаете, многоязычие мозга делает человека гораздо выше, его приподнимает. Поэтому обучение разным языкам, а если есть возможность общаться с людьми, для которых это и родной язык, то это повышает интеллектуальный уровень народа и сохраняет его разнообразие. Теперь вот вы стоите, давайте.

Мужчина: Позвольте представиться, меня зовут **Аргелия Норман** (01:54:21), я исполнительный директор программы **МБИ ДИБИ** (01:54:24) в МГУ на факультете государственного управления. Я хотел, знаете, в моей голове родился некий синтез из того, что прозвучало сегодня на сцене. Вы знаете, удивительный момент, связанный с равенством. Подозрительно оказалось, что действительно, это некая объединяющая история. Если сравнить, например, с другими цивилизациями, которые брали на флаги некое равенство, действительно первыми приходят американцы на ум, с американской мечтой, где любой иммигрант, приезжающий, становится равным и может добиться чего угодно, но для этого, будь добр, вперед, отсюда и до заката.

(01:55:00)

Вот этот момент формулирования окончательной мысли о том, что мы хотим предложить и обществу, и друг другу, несмотря на то, что идеи разные звучали, например, воспитывать на уроках истории патриотизм. Я не могу сказать, что абсолютно все сразу же захлопали в унисон и поняли, что да, если мы вспомним 1812 год, то мы все однозначно станем резко более патриотичными. Мне кажется, есть какие-то ответы, которые должны приходить нам здесь и сейчас, связанные с нашей действительностью, как справиться с тем же самым ощущением неравенства.

Ну, я вспоминаю, например, историю своей семьи. С одной стороны, у меня действительно есть армянские корни, есть бабушка, которая в Ленинграде, собственно, благополучно спаслась от блокадного Ленинграда, Людмила Федоровна **Сейхина** (01:55:45). Я просто к чему говорю. Мне кажется, намного интереснее было бы говорить о равенстве. Вы правильно озвучили это. Именно равенство, когда приходишь в школу, и там не одинаковое отношение ко всем, а для каждого, например, есть возможность получить достойное равенство по твоим стараниям. И с этого, возможно, начнется совсем другой разговор. Спасибо большое. Вот такой небольшой комментарий. Спасибо большое.

Роберт Нигматулин: Дорогие мои друзья, извините ради бога, мне объявят выговор. Мы, оказывается, пересидели уже 25 минут или 20 минут. Поэтому спасибо вам большое. Я думаю, что вам было интересно, нам было интересно. Где мы будем обсуждать вот те вопросы эффективности руководства нашей экономики. Кто придет, получит дайджест, и кто задаст хороший вопрос, мы подарим книжку. Спасибо

(01:57:00) (Конец записи)